

Лу Цзэянь пожертвовал своим временем, вдохновением, силами и... задором, подобающим его возрасту.

Его руки, опущенные вдоль тела, сами собой сжались в кулаки, но тут же внезапно разжались, после чего он слегка расплескал воду из термоса по крышке стола и с брезгливым выражением лица вытащил несколько салфеток, чтобы вытереть кофейные разводы.

Прихватив портфель, Лу Цзэянь направился к кабинету руководителя, чтобы прийти с повинной.

Менеджер носил фамилию Ли, обладал острой крысиной мордочкой и лысиной посреди головы. Он был типичным подпевалой, который пробился наверх окольными путями и бессовестно притеснял подчиненных. Лу Цзэянь слышал, что когда-то тот подготовил для сына какого-то высокопоставленного лица дизайнерский проект, благодаря которому тот победил в национальном конкурсе, и именно за это получил кресло менеджера отдела дизайна.

Менеджер Ли сам попал под ливень, а потому норовил разорвать чужие зонты, действуя при этом еще более подлыми методами. Отдел дизайна был самым гнилым местом во всей компании Сюйчжан: люди внизу не смели сопротивляться, а те, что наверху, закрывали на это глаза.

Больше всего ругани от менеджера Ли доставалось Лу Цзэяню — ведь в отличие от остальных, кто только и делал, что плел интриги за спиной, Лу Цзэянь целиком и полностью отдавался работе, не льстил и был донельзя прижимист. Менеджер Ли никогда не имел от него ни малейшей выгоды и уже не раз пытался подыскать удобный момент, чтобы уволить Лу Цзэяня, однако кто-то наверху ценил его вдохновение.

В итоге, даже когда Лу Цзэянь прогулял целый рабочий день, сбрасывал звонки и не отвечал на сообщения, менеджер Ли смел лишь бранить его, но не увольнять.

Однажды он и сам намеком выразил недоумение: раз они не хотят отпускать Лу Цзэяня, почему бы не поднять ему зарплату? В конце концов, деньги всегда были лучшим способом привязать к себе такого молодого человека.

Но начальство ответило, что нужно приучать его думать о грядущей опасности, и лишь предельное давление заставит его остаться всей душой. В таком молодом парне, как Лу Цзэянь, сочетались не только гордость, но и готовность идти на компромиссы без всяких границ.

По правде говоря, слушая подобные речи, менеджер Ли чувствовал себя не в своей тарелке. Однако Лу Цзэянь никак не мог научиться изворотливости и презирал участие в общих грязных играх. Он казался единственным чистым ручейком в компании Сюйчжан: топкое болото жаждало его поглотить, но он все равно продолжал барахтаться в этой трясине.

Стоя перед менеджером Ли, Лу Цзэянь уже приготовился к бурной отповеди: по обыкновению папка с бумагами сейчас должна была прилететь ему прямо в грудь, после чего последовал бы рывкающий приказ убираться вон, а от Лу Цзэяня требовалось лишь оставить исправленные макеты на столе.

Однако всё вышло иначе. Опустив голову, он стоял на месте, в то время как менеджер Ли, нарушая все привычные привычки, откинулся на спинку кресла и снизу вверх разглядывал его. При этом Лу Цзэянь вовсе не собирался отдавать ему чертежи — иначе он лишился бы своего единственного козыря.

В повисшей в кабинете тишине были слышны лишь тикающие на стене часы. Лысина менеджера Ли слегка блестела под преломленными лучами света, и Лу Цзэяню отчаянно хотелось посоветовать ему надеть парик, чтобы в следующий раз, когда он кого-то отчитывает, людям не хотелось смеяться.

Менеджер Ли первым делом протянул руку к стоявшей на столе чайной чашке, поднес ее к губам, легко подул и лишь после этого сделал крошечный глоток.

С презрением скосив глаза на Лу Цзэяня, он выдал с напускной издевкой:

— Ого, Сяо Лу, с каких это пор ты соизволил явиться на работу?

Выражение лица Лу Цзэяня едва заметно дрогнуло, а голос прозвучал так бесстрастно, будто они обсуждали погоду:

— Судя по вашему тону, вы бы предпочли, чтобы я принес с собой заявление об уходе.

Лицо менеджера Ли застыло. За секунду до того, как он собирался вспыхнуть, уголки губ Лу Цзэяня тронула легкая улыбка, и он мягко произнес, преисполнившись извинений:

— Ой, менеджер Ли, не сердитесь, я же шучу.

Лу Цзэянь всегда был таким: он не умел ни подлизываться, ни идти на попятную. Он не мог бросить эту работу, но это вовсе не значило, что им можно помыкать. Менеджер Ли, пытаясь самоутвердиться за счет Лу Цзэяня, одновременно был вынужден делать шаг назад и во всем ему уступать.

— Чертежи, которые вы просили вчера, я исправил, — с этими словами Лу Цзэянь подвинул портфель ближе и, заметив, как менеджер Ли вознамерился его открыть, мысленно усмехнулся.

Разве человек вроде менеджера Ли, который от силы пару дней посещал уроки дизайна, способен хоть в чем-то разобраться?

— Знал бы, на чьей стороне выгода, — возможно, осознав, что смотреть на чертежи для него

все равно что смотреть в книгу фигу, менеджер Ли отделался лишь презрительной усмешкой.

Лу Цзэянь стоял перед ним, сложив руки на животе, с весьма дерзким выражением на лице:

— Как же мне не знать? В конце концов, я-то думал, что вчерашний звонок был моим уведомлением об увольнении.

Менеджер Ли никак не ожидал, что сегодня Лу Цзэянь будет так непривычно и колко отвечать. Раньше тот лишь изредка бросал резкие фразы, но сейчас, судя по всему, те тринадцать тысяч восьмьсот юаней придали ему уверенности и наделили определенной властью.

— Лу Цзэянь, ты...!

— Я виноват, я не должен был прогуливать без уважительной причины, но падение с лестницы — вещь вне моего контроля. Мое колено до сих пор тупо ноет, кажется, мне нужно провериться в больнице. Менеджер Ли, не хотите взглянуть? — выдав это, Лу Цзэянь и впрямь сделал движение, собираясь обойти стол и закатать штанину.

Менеджер Ли испугался. Отъехав на офисном кресле назад на пару сантиметров, он вытаращил глаза и заикаясь закричал:

— Т-т-ты... вон... вон отсюда!

Лу Цзэянь прервал свое движение и с улыбкой отозвался:

— Слушаюсь!

Стоило ему только развернуться, как напускная улыбка мгновенно исчезла с его лица. Опустив ресницы, он толкнул дверь и покинул это лицемерное пяточковое пространство.

По всей видимости, заметив, что он целым и невредимым вышел из кабинета менеджера, стоило Лу Цзэяню сесть за свое рабочее место, как один из коллег с улыбкой направился прямо к нему, чтобы поздороваться.

Тот носил массивные очки в черной оправе, его лицо было усыпано глубокими следами от прыщей, которые невозможно было скрыть, а в ушах красовалось сразу два или три неформальных прокола.

Завидев Лу Цзэяня, Очкарик неторопливо подплыл к нему и с фальшивым участием справился:

— Цзэянь, чего это тебя вчера не было?

Заметив, что Очкарик подбирается все ближе, Лу Цзэянь молча отступил на шаг назад и

продолжил приводить в порядок свой стол.

— Заболел, — глухо отозвался он.

— А? — Очкарик преувеличенно широко разинул рот, и его голос привлек внимание многих окружающих. Лу Цзэянь нахмурился и посмотрел на него:

— Тише, люди работают.

Изображая послушание, Очкарик пару раз покашлял и поставил принесенный с собой термос прямо на ту часть стола, которую Лу Цзэянь только что тщательно вытер. Несколько капель воды сорвались с горлышка чашки и упали на поверхность, заставив Лу Цзэяня замереть с бумагами в руках.

А Очкарик, загадочно наклонившись к нему, с ехидством выдал:

— Вчера Чжу Тинъюй из финансового отдела расспрашивала о тебе раз десять, не меньше.

Затем он понизил голос и, явно мня себя большим шутником, добавил:

— Она и красотка, и фигурка что надо, да еще и из богатой семьи. Отдайся ей на этот раз, Цзэянь, и будешь всю жизнь жить припеваючи.

Чжу Тинъюй была великолепным бухгалтером в отделе дизайна компании Сюйчжан: всего за год она сдала экзамен на сертификат дипломированного общественного бухгалтера и обладала несметным количеством других регалий. Ходили слухи, что ее семья владеет компанией, чьи акции котируются на бирже, а в отдел дизайна она пришла лишь ради приобретения опыта.

Красивая, с шикарной фигурой, живая и общительная — она была богиней в глазах многих.

На самом деле Лу Цзэянь не мог делать вид, будто не замечает знаков внимания со стороны Чжу Тинъюй, поскольку те были слишком явными, и ему оставалось лишь изо всех сил избегать ее. Он знал, что за его спиной многие отпускали шуточки и делали его предметом сплетен за обедом, но поделать с этим ничего не мог.

В конце концов, языки принадлежат другим, главное — чтобы твоя собственная совесть была чиста.

Однако действительность явно отличалась от этого идеала, ведь сейчас Очкарик, прильнув к самому его уху, мерзко ухмылялся:

— Не хочешь попробовать? Фигура такая умопомрачительная, даже на один раз — и то не в убытке останешься.

С этими словами он снова зашелся противным хихиканьем.

Лицо Лу Цзэяня вмиг похолодело. Тяжело швырнув пачку папок на стол, он привлек внимание практически всех присутствующих. Подняв голову, он бесстрастно уставился на собеседника и холодно бросил:

— Что попробовать? Может, хочешь попробовать со мной?

На лице Очкарика промелькнуло смущение; он опустил глаза, поправляя очки, и попытался уйти от ответа:

— Цзэянь, хорош шутить, я же мужчина.

— Ну и что, что мужчина? Я всеяден, ем абсолютно всё, а вот такие, как ты... — тут Лу Цзэянь прервался, с издевательским любопытством окинув Очкарика взглядом с головы до ног, и усмехнулся: — Обязательно попробую.

От таких слов Очкарик окончательно потерял лицо, а некоторые зрители вокруг не смогли сдержать тихого смешка. Очкарик мнил себя душой компании, но на самом деле уже давно заслужил дурную славу — мало кто в коллективе не проходил по его поводу.

— Это ты пил кофе за моим рабочим местом? — продолжал допытываться Лу Цзэянь.

— Я думал, ты...

— Что ты думал? Даже если меня уволят, пока я не забрал свои вещи, я никому не позволю садиться сюда без спроса. Ты ведь должен был это знать, помнится, я предупреждал тебя отдельно.

С этими словами Лу Цзэянь взял за горлышко оставленный на его столе термос и протянул его Очкарику:

— В следующий раз без разрешения хозяина не смей ставить сюда свои вещи, это верх бестактности. И найди время помыть кружку, у нее горлышко уже пожелтело, так и до заразы недалеко.

Лу Цзэянь говорил громко, словно адресуя слова кому-то еще. С теми, кто не уважает его личные границы, он поступал просто: за отсутствие уважения возвращал сторицей.

— Чжу Тиньюй — прекрасный человек: умная, работающая, живая и открытая. Это я, Лу Цзэянь, ее не стою. Обо всем, что между нами происходит, я при случае скажу ей лично в глаза, а васх умоляю... не болтать за спиной гадости. Если я еще хоть раз наткнулся на подобное, пусть потом никто не обижается, что я не постеснялся испортить отношения.

Глаза Лу Цзэня слегка сузились. Его внешность в целом тяготела к мягким и спокойным чертам, с первого взгляда располагая к общему языку, а правильные черты лица гармонично сглаживали эту мягкость, особенно когда он улыбался, излучая невероятное очарование.

Были веские причины, почему он стал кумиром для Чжу Тинъюй: в большинстве случаев Лу Цзэнь вел себя со всеми исключительно вежливо и редко когда позволял себе так бесцеремонно срывать с людей маски.

Совсем другое дело — внешность Юй Миня: завораживающая и агрессивная, особенно его вздернутые к вискам персиковые глаза и родинка у крыла носа.

Правда, сам Юй Минь разительно отличался от собственного образа.

Многие из присутствующих, кто шушукался за спиной Лу Цзэня, смущенно опустили головы. Очкарик же окончательно сорвал лицемерную маску, почернел лицом, выхватил кружку из рук Лу Цзэня и со злостью бросил:

— Какое твое вообще дело!

А отходя прочь, пробормотал себе под нос:

— Тьфу, фальшивка.

На самом деле, высказав всё это, Лу Цзэнь почувствовал лишь облегчение — ему давно хотелось это сделать, просто Очкарик подвернулся вовремя. Впрочем, заводить близких друзей в таком месте, как Сюйчжан, он изначально и не планировал.

Когда стрелки часов перевалили за половину девятого вечера, а намек на конец рабочего дня все еще не было, Лу Цзэнь тяжело вздохнул и набрал номер Юй Миня.

Глава 11

Направить в нужное русло

Получив звонок от Лу Цзэня, Юй Минь как раз лежал на диване, глядя в потолок и размышляя о смысле жизни. Он долго смотрел на мигающий на холодном экране электронного бруска единственный иероглиф «Лу», не решаясь сделать следующий шаг.

<http://bllate.org/book/25862/3089749>